

Двор глубокий, пустынный, лишенный всякой жизни.

В то время как остальные жители деревни всё еще ютились в кирпичных лачугах, семья Чжан уже давно наслаждалась богатой жизнью в огромной усадьбе. Контраст был настолько резким, что в это невозможно было поверить, невозможно было даже представить.

— Семья Чжан... видимо, главные здесь, — Вань Гуай поднял большой палец и покрутил им из стороны в сторону.

Чжэн Сицзе, забавляясь с пускающим слюни мальчишкой, бесцеремонно залез тому в карман и на ходу ответил:

— Богатеи, это уж точно. Почему нас сразу не поселили здесь? Каждый день в этой тесной камерке, ни нормально поспать, ни поесть...

— Что ты там нашел?

— Нашел... платок с соплями? Слюнявую салфетку! А-а-а! Еще и козявку! Ну и грязнуля этот пацан...

Чжэн Сицзе поморщился от отвращения, тряся рукой, словно она была без костей. Казалось, он мечтал оказаться от нее на расстоянии десяти метров.

— Вань Гуай, братец, подожди меня здесь, я схожу к Му Минъи, попрошу воды руки помыть... Тьфу, этот сопляк такой неряшливый, грязнуля, просто ужас.

— Хорошо, я подожду тебя здесь.

Чжэн Сицзе поспешно бросился вверх по лестнице, одержимый желанием очистить свои когти. Вскоре его спина скрылась за поворотом.

— Впредь буду держаться от Чжэн Сицзе подальше, он такой неудачник, еще заразит меня чем-нибудь, — пробормотал себе под нос Вань Гуай.

Заметив, что мальчик по-прежнему сидит на корточках, словно изваяние, и не обращает на него никакого внимания, Вань Гуай вздохнул и тоже присел рядом.

Только опустившись на корточки, он заметил, что ребенок всё это время наблюдал за тем, как муравьи перетаскивают свое жилище. Маленькие черные точки ползали по земле, одна за другой. На самом деле, это было довольно занятно.

Вань Гуаю тоже нравилось наблюдать за ними.

Он так увлекся, что не заметил, как прошло время, а Чжэн Сицзе всё не возвращался. Вань Гуай подпер подбородок рукой и снова взглянул на малыша. Тот пустил слюни, которые тянулись тонкой ниточкой, образуя на земле небольшую лужицу.

Странно, почему так много слюны?

Вань Гуай брезгливо нахмурился и ущипнул мальчика за холодную щеку. Почему-то в голове всплыл момент, как он сам когда-то пускал слюни, глядя на Му Минъи.

Ну и ну, этот пацан.

Неужели он так пускает слюни, потому что проголодался?

Как только эта мысль пришла в голову, взгляд Вань Гуая мгновенно стал хищным. Он почувствовал, как за спиной повеяло холодом, а в унылом дворе из ниоткуда начал сгущаться туман.

Подул зловещий ветер.

Динь-динь-динь — зазвенели колокольчики на красной веревке, издавая чистый, мелодичный звук.

Когда мальчик взобрался на плечо Вань Гуая, широко открыл рот, обнажив клыки, и собрался укусить его, Вань Гуай прищурился. Он рывком стянул ребенка с плеча и схватил его, словно тряпичную куклу. Его янтарные зрачки потемнели и налились кровью, а из-за алых губ показались острые, едва заметные зубы.

Кожа мальчика была пепельно-серой, острые клыки блестели, а рот, продолжавший судорожно открываться в попытке укусить, замер. В глазах, лишенных зрачков, читался неподдельный ужас.

— Не смеешь меня укусить? Или не можешь достать?

— Раз ты не съешь меня, тогда я съем тебя.

Голос прозвучал безэмоционально. Кожа Вань Гуая стала еще бледнее, глаза горели кровавым огнем, длинные ресницы опустились, а уголки губ изогнулись в хищной усмешке.

На среднем пальце правой руки проступило черное кольцо на цепочке.

— А-а-а-а!

Вань Гуай сделал укус, проглотив половину призрачного мальчика. Тот издал мучительный, пронзительный крик, пронзивший небеса.

Вдалеке староста деревни, который как раз закончил трапезу и ковырял в зубах, и Ван Эрпин, потиравший живот, вздрогнули и одновременно вскочили на ноги. В глазах обоих NPC вспыхнули настороженность и жажда убийства.

Вань Гуай смаковал добычу, тщательно пережевывая.

Этот мальчишка оказался не таким вкусным, как те духи, что были у него в подчинении — слишком слаб. От одного его укуса мальчик лишился как минимум половины своей призрачной силы, да и вкус у него был отвратительный.

Раньше Вань Гуай наказывал своих призраков таким образом, только если те совершали серьезный проступок. Если бы этот малец не обнаглел и не попытался первым его съесть, он бы просто отвесил ему пару пощечин для острастки.

Видимо, этот сопляк слишком привык чувствовать себя хозяином в Подземелье и совсем потерял страх.

Подумав об этом, Вань Гуай презрительно усмехнулся.

Крик мальчика не утихал, он катался по земле в агонии. Вскоре туман стал гуще, а холод усилился.

Появилась молодая женщина и, полная жалости, подхватила мальчика на руки, тихо утешая. Она плакала, прижимая ребенка к груди.

— Чего ревешь? Я ведь оставил половину, не доел! — Вань Гуай, сытый на семь десятых, довольно погладил свой слегка округлившийся живот.

Давно он так плотно не обедал.

— Он первым открыл рот, я же не мог позволить себе не дать сдачи, верно? — бросив эту фразу, этот плохой мальчик демонстративно растоптал ногой муравьиную армию, за которой до этого следил ребенок.

Женщина, охваченная яростью, из глаз которой сочилась кровь, взревела, словно дикий зверь:

— Как ты мог... так жестоко с ним обойтись! Он ведь еще ребенок!

— Он ведь еще ребенок~ — Вань Гуай передразнил ее, издевательски усмехнувшись. — Что за глупости? Он хотел меня съесть, я съел его в ответ — простая логика. Я сам призрак, ты что, хочешь, чтобы я был святошей? Это слишком сложно и не имеет смысла, я так не умею.

— К тому же, он мертв уже столько лет... какой же он после этого ребенок?

Женщина, не желая больше препираться с острым на язык противником, уставилась на Вань Гуая глазами, полными кровавых слез:

— Почему ты смешался с Игроками? По правилам это запрещено! Ты выдаешь себя за Игрока и при этом калечишь NPC в Подземелье! Как ты посмел?

— Ц-ц, иди пожалуйста, давай, беги скорее, — Вань Гуай ничуть не испугался. — В деревне наверняка остались не только вы. Спорим, тех слабых призраков-сельчан вы сами и слопали? Я не ошибся, да? Это ведь тоже нарушение правил. Посмотри, как вы их потихоньку сожрали, а Игроки теперь мучаются, собирая улики!

— Я всего лишь откусил кусочек в отместку, по сравнению с вами — это сущий пустяк.

Истинная причина безлюдности деревни была раскрыта.

Во дворе воцарилась тишина. Женщина перестала всхлипывать, а мальчик замолчал.

Вань Гуай хмыкнул. Так и думал. Кучка жадных и нечестных призраков!

— Зачем ты пришел? Кто тебя послал?

— Не твое дело.

Вспомнив об очках, которые можно получить за прохождение, Вань Гуай приподнял бровь с высокомерным видом:

— Не спрашивай о том, чего не следует. Если не хочешь схлопотать, лучше расскажи мне свою историю, я не жадный.

— А если будешь упорствовать, я не прочь сделать еще один кусь.

Женщина-призрак не понимала, зачем этот призрак скрывается среди Игроков и какова его цель. Но его непостижимая сила внушала ей страх.

— Я Ван Ди, а этого мальчика зовут Чжан Ван, я его мать.

— Я Вань Гуай.

— ...Мую мать, Сунь Чан, продали в эту деревню. Сначала она попала к Чжоу Дафа, а позже ее обменяли и отдали моему отцу, Ван Дапину. У Чжоу Дафа мама родила пять девочек, и ни одна из них не прожила нормальной жизни — кто умер, кого продали.

— Из-за постоянных родов и жестокого обращения психика моей матери пошатнулась. Когда она попала к моему отцу, первого же рожденного ею мальчика задушили. Я была ее последней дочерью.

— Чжан Ю — второй сын семьи Чжан. Моя сестра Чжоу Шуя, рожденная матерью в семье Чжоу, любила Ван Эрмина, он мне почти как зять. Эту сестру продали Чжан Ю, но Ван Эрмин выкупил ее обратно. В ночь после свадьбы с Ван Эрмином Чжан Ю изнасиловал ее, а потом забил до смерти. После этого он пришел к нам и купил меня.

— Всю свою жизнь, с рождения до замужества и рождения ребенка, я провела в этой деревне. Я пустила корни в этом болоте, выросла и принесла плоды, но всё, что я слышала — это упреки, проклятия и побои. Даже если закрыть уши, от них никуда не деться. С самого детства я видела, как мою мать избивают и насилуют, а потом сама стала такой же, как она. Этот Чжан Ю оказался даже хуже моего отца...

Ван Ди спокойно излагала всё, что видела и слышала, и ее лицо, прежде залитое кровью, постепенно приобрело свой прижизненный облик. Маленькое личико, совсем молодая женщина, рассказывающая свою трагическую историю без единой эмоции — нет горя сильнее, чем смерть души.

Слушая ее, Вань Гуай нахмурился:

— То есть... твою мать продали, и она жила в аду, ты родилась и тоже хлебнула горя, твои сестры от других отцов — тоже. Потом тебя продали подонку, который изнасиловал и убил твою сестру, и от него ты родила этого сопляка Чжан Вана?

Ван Ди с болью взглянула на ребенка и беззвучно кивнула, роняя слезы.

— А как умер твой сын?

— Через несколько лет после его рождения я выпила ядохимикаты и покончила с собой. Хотела вырастить его, старалась... Но я не ожидала, что семилетний ребенок решит отомстить за меня и выльет огромное количество яда в колодцы семей Ван и Чжан. Он отравил многих, включая себя самого.

Вань Гуай расширил глаза и указал на ребенка, сжавшегося в объятиях матери:

— Ты... ты... а ты не прост, паренек. Я недооценил тебя.

<http://bllate.org/book/20633/2063627>